

Д. Н. Беспалько**История развития соболиного промысла на территории Восточного Забайкалья (середина XVII века — 1960-е годы)**

В статье на основании комплекса документов Управления охотничьего хозяйства Читинской области и смежных фондов экономического развития региона рассматриваются ключевые проблемы добычи соболиной пушнины и развития промыслового труда на территории соболиных очагов Восточного Забайкалья. Хронологические рамки исследования определяются началом формирования классической формы бригадной эксплуатации промысловых угодий (середина XVII в.) и 1960-ми годами, когда полностью уничтоженное в дореволюционное время поголовье соболя было восстановлено в результате проведения комплекса промыслово-восстановительных работ. Особое внимание уделяется вопросам организационного кризиса, упадку бригадной формы эксплуатации пушного ресурса очагов. Автор приходит к выводу, что наступившая на рубеже XIX—XX вв. полоса упадка соболиного промысла, вызванная массовым истреблением вида, была неизбежной, привела к распаду многочисленных промысловых коллективов и целому ряду других проблем, возникших в период колхозного охотстроительства. Однако последовавший в конце 1940-х — 1950-е гг. процесс реконструкции соболиной фауны и общего укрепления комплекса охотничье-промыслового хозяйства позволил восстановить значительную численность соболиного поголовья и вернуться к наиболее эффективным формам добычи ценной пушнины.

Ключевые слова: организация труда, эксплуатация охотничьих угодий, заготовительная контора, бригада, пушнина, соболиный очаг, соболь, промысел.

-+

Введение. Соболиный промысел в дореволюционное время являлся одним из основных факторов освоения отдаленных районов Восточного Забайкалья и организации бригадно-артельной формы промыслового труда. Слабо развитая горнорудная промышленность и малопривлекательное занятие сельским хозяйством по причине наличия обширной зоны рискованного земледелия в условиях резко континентального климата не могли обеспечить в должной мере естественного притока населения. Открытые же пушные богатства в кратчайшие исторические сроки способствовали продвижению предприимчивых людей в Забайкальский регион, основанию новых поселений и созданию разветвленной сети заготовительных факторий.

Начавшаяся в XVIII в. активная и ничем не ограниченная эксплуатация на севере Витимо-Олекминского, на юге — Южно-Забайкальского соболиных очагов (имеется в виду ареал распространения соболя) в скором времени привела к существенному оскудению легкодоступных пушных запасов [29, с. 249, 259]. В близлежащих от населенных пунктов промысловых угодьях соболь был истреблен полностью. Охотникам все чаще приходилось уходить от дома за десятки километров, без твердой уверенности, что результаты промыслового сезона окупят произведенные затраты. Единоличный промысел становился нерентабельным, а порой невозможным. Подготовительные работы: обустройство угодий охотничье-промысловыми строениями, содержание опытных собак-соболятниц и воспитание молодняка, изготовление специального снаряжения — комплектов таежной одежды и самоловов, покупка оружия и боеприпасов, большого количества продуктов питания и его доставка к местам охоты, осуществление предпромысловой разведки и прочее — требовали значительных капиталовложений.

Богатые купцы и крупные промышленники, являвшиеся основными посредниками между охотником и пушным рынком, предпочитали заключать договора контрактации с наемными бригадами или создавать их, подбирая наиболее компетентных и надежных людей. Хорошо сплоченная группа профессиональных соболятников, где каждый нес

© Беспалько Д. Н., 2019

ответственность за вверенный ему участок угодья, занимался хозяйственно-транспортными работами по ремонту стационарного оборудования, таборного имущества и своевременным подвозом продовольствия остальным членам, имела несопоставимо больше преимуществ перед разрозненным контингентом охотников. Непредсказуемость результатов и трудности соболиной охоты заставляли русских промысловиков объединяться в группы от 5—7 до 40 человек. В XVIII в. бригады соболятников становятся доминирующей формой организации промыслового труда в пределах границ восточно-забайкальских очагов обитания соболя [11, л. 29—30].

Классическая бригадная основа в регионе имела западносибирское происхождение. Бригады ежегодно осуществляли одни и те же действия, позволяющие эффективно вести промысел вдали от дома, а купцам и прочим нанимателям-скупщикам получать баснословную прибыль от перепродажи пушно-мехового сырья на ярмарках. Так продолжалось ровно до тех пор, пока запасы соболя позволяли вести его неограниченную добычу. Во 2-й половине XIX и особенно в начале XX в. катастрофическое падение численности зверька приводит к временно необратимым последствиям разрушения слаженной системы коллективного труда. В это время можно наблюдать, как соболь из главного промыслового вида переходит в разряд исчезающего и затем особо охраняемого законом. Его место занимает менее ценная, но более массовая белка. Дорогостоящее снаряжение группы, состоящей даже из 5—7 человек, становится невыгодным и рискованным предприятием, в ряде случаев не окупающим изначальных затрат.

Наступившая полоса упадка соболиного промысла знаменует собой возвращение индивидуальной формы эксплуатации охотничьих угодий. Хорошо организованная группа охотников становится редкостью. Бригадная форма промысла, как и ее традиции, в большинстве населенных пунктов на время исчезает [1, с. 68]. В 1930—1940-е гг. это приводит к возникновению целого ряда проблем: 1) малоэффективной организации колхозного охотустройства, в основе которого свободный доступ к лесным ресурсам и незначительная ответственность за их использование. Отсутствие механизма коллективной добычи пушнины и рационального распределения угодий заставляет обратиться к прежней форме бригадного опромышления закрепленных за колхозами промысловых территорий; 2) сложности процесса реконструкции соболиной фауны в конце 1940-х гг. и выработки охотничьего законодательства, направленного на поддержание баланса эксплуатации пушного ресурса по линии промысловый очаг — заготовительная контора — охотник [10, л. 43 об.].

Изучение темы проводилось в соответствии с основными принципами исторического исследования — объективности и историзма. Методологической базой исследования послужил историко-генетический метод, позволяющий наиболее плотно изучить свойства, функции и изменения региональных проблем развития соболиного промысла в процессе их исторического движения. С его помощью раскрываются основополагающие эпизоды развития организации добычи соболиной пушнины, реконструкции соболиных очагов и причинно-следственные связи достигнутых результатов. Используется историко-статистический метод, позволяющий провести качественно-количественный анализ многочисленных статистических данных источников. Изучены ведомственные материалы охотничьего хозяйства (отчеты землеустроительных и охотоведческих экспедиций за 1920—1960-е гг., статистические сведения о предполагаемых и достигнутых результатах, проекты по обогащению промысловой фауны и т.д.), документы заготовительных контор северных и южных районов Восточного Забайкалья, специальная научная и справочная литература [18; 19; 24; 25].

К вопросам комплексной организации охотничье-промысловой эксплуатации соболиных очагов Восточного Забайкалья в середине XVII в. — 1960-е гг. обращаются нечасто. В 1920—1930-е гг. охотоведами и другими специалистами народного хозяйства рассматривалась возможность исторической реакклиматизации вида в пределах вышеназванных очагов. С этой целью изучались не только биолого-зоологические аспекты, но и проблемы заготовок XVIII—XIX вв., особенности кряжей обитавшего в прошлом соболя [18; 23; 28].

Во 2-й половине XX в. основные усилия были направлены на анализ проводившейся в 1950-е гг. реконструкции соболиной фауны. Детально изучалась работа охотоведческих экспедиций, которые собирали сведения об охотничьих угодьях, контролировали завоз и технику выпуска племенного материала, вели учет численности поголовья, решали проблемы внедрения лицензионной добычи, определяли оптимальные сроки осуществления сезонных заготовок и прочие рационализаторские нововведения [19; 24; 29]. В 2000-е гг. исследователи обратились к вопросам реализации соболиной пушнины на ярмарках общероссийского значения и международных пушных аукционах [21]. Тем временем проблемы развития организации труда на промысле, изменения способов добычи с середины XVII века до 1960-х гг. включительно, влияния на них фактора массового сокращения соболиного поголовья и последующего пятилетнего запрета на добычу в 1935—1941 гг., особенности восстановительного периода и первого десятилетия после официального открытия промысла остаются неизученными.

Результаты исследования и их обсуждение. В XVII—XVIII в. на территории Забайкалья формируется классическая организация промыслового труда по эксплуатации пушных запасов соболиных очагов, описанная еще участником Второй Камчатской экспедиции С. П. Крашенинниковым, побывавшем в Забайкалье в 1735 г., в работе «О витимском соболином промысле» [20, с. 255—269; 28, с. 13], затем натуралистом-зоологом Л. П. Сабанеевым [26] и отчасти А. А. Черкасовым [30]. Наиболее востребованной формой являлось создание купцами и их агентами наемных (покрученных) бригад, члены которых на кредитно-авансовой основе получали все необходимые товары и снаряжение. Подготовка к промысловому сезону начиналась в конце августа, а в сентябре происходил заброс основной массы охотников в тайгу. Передвижение осуществлялось по воде или сухопутно, проторенными тропами прошлых зверопромышленников. Практика использования вьючных оленей с нартами, арендуемых у эвенкийского населения, получила распространение только на севере, в Витимо-Олекминском очаге. Лошадей практически не использовали по причине отсутствия корма в зимней тайге [1, с. 71]. На юге, наоборот, заезд в отдаленные угодья Южно-Забайкальского очага осуществлялся на лошадях и реже сплавом по рекам [17, л. 176—178]. Самые бедные промысловики могли промышленничать исключительно пешим порядком с санями за спиной [13, л. 111].

Каждая бригада использовала предпромысловую разведку, сочетая различные формы и методы. В летнее время специально выделенные для этой цели охотники уходили в тайгу и проверяли урожайность основных кормовых ресурсов соболя животного и растительного происхождения. Собранная таким образом предварительная информация о будущем урожае пушнины служила основанием для выбора известных и обустроенных участков или занятия новых угодий. Периодически купцы подряжали на предпромысловую работу людей, постоянно живущих в лесу, содержали их и в конце пушного сезона одаривали товарами или делились заготовленным пушно-меховым сырьем. Использовался метод покупки сведений у эвенков.

На территории угодий бригада разбивалась на небольшие группы, каждая из которых занимала определенный участок. Это позволяло охватывать наиболее обширные

пространства и рационально использовать отведенное время: одни занимались добычей соболя, другие заготавливали дрова, мясо и т.д. Делением и прочим руководством занимался самый опытный промысловик — передовщик, являвшийся по факту выборным главой. Охват промысловой территории находился в прямой зависимости от общего количества членов бригады. Большая бригада могла охватить сеть стационарного оборудования значительные пространства. Исходя из этого в тайге кроме основного зимовья строили и небольшие станы, чтобы слишком часто не возвращаться в главное. Эта удобная и практичная система позволяла всем группам автономно промышленно определять период времени. На каждый стан создавалось 2—3 ухажья, где устанавливались ловушки-кулемы и сети-обметы, так как самоловный способ добычи являлся основным [20, с. 263]. Ружейный промысел с собакой считался второстепенным.

Промысловый сезон длился до весеннего вскрытия рек, после следовало возвращение домой. За неделю до окончания сезона вся бригада собиралась в главном зимовье. Производился подсчет добычи, первичная сортировка по качеству, разделение на партии. Одновременно разбирались возникшие споры между членами групп, производился суд за совершенные проступки. Вернувшись из тайги, охотники сдавали пушнину нанимателю по условленным заранее ценам или, отдав причитающуюся часть, самостоятельно реализовывали остальное.

О количестве ежегодно заготавливаемой пушнины известно немного, поскольку статистические данные страдали неточностью или отсутствуют вовсе. Руководитель академического отряда Г. Ф. Миллер в 1739 г. сообщал, что в наиболее урожайные годы (видимо, в середине XVII — начале XVIII в.) с Нерчинского уезда можно было получать только одного ясака 7512 шт. шкурок соболя [22, с. 209]. Затем следует период постепенного сокращения общего количества поступающего в казну ясака, как, впрочем, и добытых землепроходцами соболей. На территории Витимо-Олекминского очага до начала XIX в. ежегодно добывалось несколько сотен шкурок, после выход упал до нескольких десятков штук. Данных по Южно-Забайкальскому очагу гораздо меньше, и если свести воедино имеющиеся сведения, то до начала XIX века общий выход мог составлять 2—3 тыс. шкурок в год [17, л. 67—69].

Как видим, данная форма организации промыслового труда, не лишенная определенных недостатков, все же была эффективным инструментом эксплуатации очагов. Однако в конце XIX — начале XX в. появились тенденции, приведшие к существенному изменению порядка и формы его организации. Причиной послужило повсеместное сокращение запасов соболя. Промысел зверька от года к году усиливался и принимал хищнический характер. На территории очагов процветали взяточничество и незаконные поборы ясака. Разработка золоторудных месторождений на севере региона привела к наплыву тысяч вольных старателей, значительно усиливших эксплуатацию пушных ресурсов Витимо-Олекминского очага в зимний период времени. В новых условиях личная (поуженная) форма начинает лидировать и оттесняет покрученную. Риск найма становился неоправданно высоким, приводил к расходам, окупить которые незначительным количеством добытой пушнины не всегда представлялось возможным. Купеческо-ростовщические наниматели практиковали откровенно грабительские сделки: заключали договора на половину или всю добычу в обмен на уплату охотником многолетних долгов, в которые он влезал, занимая вещи или деньги под большие проценты, т.е. это так называемая система эксплуатации промыслового населения через предоставление «обстановки». Появляется система разъездных агентов, объезжающих населенные пункты и скупающих у населения пушнину по заниженным ценам. Сокращается общее количество промыслового контингента, охваченного коллективной организацией промыслового труда. Бригады в

несколько десятков человек более не собирались, средняя численность группы падает до 3—7 членов [8, л. 171].

Тем не менее мировой спрос на соболиную пушнину неуклонно возрастал, рынки требовали все большего количества мехового сырья, несмотря на очень высокие цены. Витимский соболь в дореволюционное время ценился больше баргузинского, считался эталоном качества. Стоимость его шкурки на ярмарках доходила в 70-е гг. XIX в. до 90—100 рублей за шт. [26, с. 71], а в начале XX в. — до 1000 рублей [29, с. 16]. Но в конце XIX в. Витимо-Олекминский очаг оскудел настолько, что на бригаду из 5—7 человек за сезон приходилось не более 6—7 соболей, добытых путем невероятных затрат и лишений в труднодоступных и наиболее отдаленных местах (хотя еще в XVIII в. на одного промысловика приходилось до 10 шт.) [20, с. 255]. После 1910 г. Нижегородский и иные ярмарочные комитеты отмечали отсутствие на рынке витимского кряжа [29, с. 260]. Он был практически уничтожен. На юге ситуация была немногим лучше. Южно-Забайкальские соболя принадлежали к амурскому кряжу, и показатель его относительной ценности, как правило, редко превышал 20—40% от высшего, витимского. По данным Л. П. Сабанеева, «сорочок амурских соболей» в 1871 г. стоил 400—500 рублей [26, с. 71], т.е. в среднем 12 рублей за шкурку. При этом необходимо отметить, что цена «из первых рук», т.е. при сдаче охотниками пушнины скупщикам, была в разы меньше, как правило в 2—4 раза [26, с. 70]. Тем не менее данное обстоятельство не являлось фактором снижения промысловой нагрузки на очаг. В конце XIX — начале XX в. средняя добыча аналогичной по численности бригады составляла 25—30 соболей (в XVIII — первой половине XIX в. на одного охотника обычно приходилось 15—20 шт.) [17, л. 67]. Годовой выход шкурок составлял от 500 до 1000 шт., но затем упал значительно ниже сотни [29, с. 250].

Поступающие в Москву челобитные о сокращении пушного запаса вовремя не возымели должного действия. Улучшить ситуацию мог открытый в 1887 г. в Чите Забайкальский отдел императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты. Однако разрабатываемые обществом научные рекомендации по более рациональному использованию промысловых ресурсов практически не коснулись соболя [31]. Только 9 июля 1912 г. принимается общегосударственный закон «Об установлении ограничительных мер по охоте на соболя» [25], ставящий целью сохранить ценный промысловый вид. В частности, вводился запрет добычи шкурок с 1 февраля по 15 октября [25, с. 616]. Большого достичь не удалось в связи с начавшейся Первой мировой, а затем Гражданской войнами.

В результате в 1900—1910-е гг. соболь теряет свое промысловое значение, уступая первое место в заготовках беличьей пушнине, которая уверенно занимает ранее недоступную ей нишу рыночного сегмента. Скромные отчеты загототдела Минпродторга Дальневосточной Республики (1920—1922) [3, л. 37], а затем Дальгосторга [6, л. 66] и других заготовительных контор свидетельствуют, что соболиные шкурки превратились в штучный товар, добываемый чаще всего случайным образом. Пушно-сырьевой отдел Дальгосторга за период 1923—1927 гг. отмечал снижение качества большинства сдаваемых охотниками разъездным агентам шкур [5, л. 133 об.]. Значительное их число были полуволосяными и «лежалыми» более года, добытыми в весенне-летний период. Организация труда все больше сводилась к инициативе единоличной эксплуатации угодий, так как добывалась в основном белка и другие малоценные сорта. Организация их промысла не требовала особых навыков и подготовки. Для профессиональных бригад добыча низкооцениваемой пушнины являлась убыточной. Соответственно исчезновение данной формы охотничье-промыслового труда было лишь делом времени.

Охотоведческие и землеустроительные экспедиционные отчеты 1920—1930-х гг. свидетельствовали об организационном кризисе в этой важнейшей отрасли народного хозяйства [9]. С одной стороны, квартальные срывы заготовок происходили довольно часто, заготовительные планы выполнялись в среднем на 70—80% [6, л. 66—66 об., 89; 7, л. 181—181 об.]. Потенциал охотничьих угодий использовался в лучшем случае наполовину. С другой стороны, возникли сложности в деле восстановления промысловых объединений. Для заготовительных организаций практика заключения контрактных договоров с бригадами на заготовку и сдачу пушнины крупными партиями всегда являлась предпочтительнее работы с единоличными охотниками. Но для этого следовало приступить к организации постоянно действующих промысловых групп, артелей и бригад, перевести их на частичное государственное довольствование, своевременно выдавать аванс и снабжать необходимыми товарами.

По существу, организационные проблемы должны были решать районные заготовительные конторы (РЗК): разъяснять на местах выгоды коллективной формы труда, материально стимулировать объединение охотников, привлекать новый контингент из числа молодежи и т.д. Однако эту работу в 1920-е гг. пустили на самотек из-за общей организационно-технической неподготовленности РЗК Забайкалья [5, л. 247—261]. В 1930-е гг. проблема осложнялась двумя факторами: 1) спецификой договорных отношений между колхозами и РЗК, когда последние в 9 из 10 случаев заключали с охотниками договора содействия (по которым контора выплачивала колхозу всего 4% от стоимости пушнины, сданной выделенными на промысел охотниками колхоза), а не прямые договора (предполагающие 8% отчисления); 2) у правлений коллективных хозяйств была собственная сфера ответственности (сельскохозяйственная), не совпадающая с интересами заготовителей [1, с. 67—68]. Складывавшаяся веками организация коллективно-промыслового труда, предпромысловая разведка, разделение обязанностей артельщиков в тайге, правильное распределение угодий, содержание в порядке таежных троп, таборов и многое другое приходило в естественный упадок и не могло самостоятельно возродиться в новых условиях. Требовалась государственная поддержка.

Постепенно соболиный промысел становился невыгодным и в конце концов появилось целое поколение охотников, никогда не видевших живых соболей. Землеустроительная экспедиция 1931—1933 гг. (работала на севере региона, в Каларском районе) подтвердила, что отдельные зверьки Витимо-Олекминского очага сохранились в окрестностях оз. Орон [9, л. 8 об.]. В 1931—1936 гг. охотниками одноименного округа было добыто всего 88 соболей (преимущественно Баргузинского кряжа) [4, л. 7]. Затем экспедиции Дубровского 1932 г. и Дорохова 1937 г. выявили картину полного исчезновения зверька в наиболее продуктивных в прошлом районах Южно-Забайкальского очага [17, л. 69]. По имеющимся данным, в период с 1920 по 1935 и с 1941 по начало 1950-х гг. немногочисленные, чудом сохранившиеся промысловики-артельщики покупали сведения о наличии соболя в тайге, т.е. при обнаружении даже старого следа его можно было продать. Экстенсивный путь развития эксплуатации пушного ресурса очагов привел к их полному исчерпанию и невозможности естественного восстановления (как, например, на севере региона) без специальных научных программ. В 1935 г. по всему Советскому Союзу объявили пятилетний запрет на соболиный промысел, продлившийся, тем не менее, до 1945 г. вследствие начала войны.

Южно-Забайкальский очаг без прямого вмешательства человека восстановил промысловую популяцию к концу 1940-х гг. По сравнению с 1915 г. ареал вида вырос в 6 раз [27, с. 243]. Организация его эксплуатации при этом строилась уже на качественно иной основе, нежели до начала XX в. Для включения в эксплуатацию угодий требовалось про-

ведение комплексного обследования состояния поголовья: учет по следам и опросным данным, закладка пробных площадей, организация пробного отлова нескольких особей (5—6 шт.). Для этой цели создавались группы квалифицированных охотников во главе с ответственным работником Управления охоты. Затем назначалась районная заготовительная контора, ответственная за конкретный административный район очага, создавалась сеть факторий, разъездные ларьки и т.д. Право добычи соболя регулировалось лицензионной системой, ограниченной определенным лимитом: в 1950—1953 гг. — 100—400 шт. и далее по нарастающей возможности очага [17, л. 112—113]. Средняя стоимость одной шкурки колебалась в пределах 350—450 рублей [15, л. 17]. Созданная таким образом в конце 1940-х гг. система эксплуатации соболиных угодий существенно отличалась от дореволюционной. В первую очередь — отказом от экстенсивно-хищнического пути и переходом на основы общепринятого в цивилизованном мире охотничье-промыслового стандарта: сохранения разумного баланса относительно промысловых возможностей очага и количества запрашиваемых РЗК соболиных лицензий.

Тем не менее на протяжении первого десятилетия данная система страдала рядом недостатков: 1) введенная практика выдачи лицензий на заготовки постоянно нарушалась. Разрешение на добычу не выдавалось перед сезоном промысла. Бумаги заполнялись непосредственно на заготпунктах во время приемки шкурок. Это приводило к добыче сверх определенного Управлением охоты лимита. РЗК пользовались лазейкой и принимали только высокосортных соболей, оставляя на руках малоценных [10, л. 37 об.]; 2) при планировании заготовок средняя заготовительная цена шкурки ставилась значительно ниже фактической, что вынуждало РЗК усиливать заготовку высокоценных, темных соболей [10, л. 40; 15, л. 19, 23]; 3) проводившаяся до середины 1950-х гг. система сбора так называемых «лежалых» соболей приучила охотников к бесконтрольной добыче и легализовала браконьерство; 4) борьба с браконьерством и нарушениями правил сезонной охоты велась слабо, так как в одном районе заготовительную деятельность могли осуществлять сразу несколько РЗК [13, л. 20—29; 17, л. 62—64]; 5) промысел соболя был практически не организован, это приводило к переопромышлению одних и недоопромышлению других участков территории очага [17, л. 50—53]; 6) выделяемые колхозами охотники редко объединялись в бригады и тем более не согласовывали между собой вопросы персонального опромышления конкретных участков тайги [15, л. 29]; 7) самоловный промысел за 40-летний период отсутствия зверька пришел в полный упадок. Особенностью освоения южных соболиных угодий являлась примитивная техника добычи, без самоловного оборудования и специальных средств передвижения по зимнему лесу. Не владея капканным способом лова, не имея обмета и лыж, охотники были вынуждены промысливать в тех немногих участках тайги, где не было ни россыпей, ни бурелома, причем только с осени, пока мелкий снег позволял работать собаке. Но и этот единственный способ нуждался в государственном поощрении, поскольку из-за новизны для большинства охотников хорошие собаки-соболятницы являлись редкостью. Разведением же собак, как и их натаской на зверя, занимались от случая к случаю, бессистемно. Распространенным являлся случай, когда собаки на полевых испытаниях находили свежие следы соболя, но быстро бросали их и уходили за другим зверем [27, с. 244]; 8) существенным тормозом освоения отдаленных угодий служил недостаток транспорта в колхозах — рабочих лошадей [17, л. 104—108].

В 1951 г. на территории очага работала охотоведческая экспедиция, отчетные материалы которой свидетельствовали о необходимости внедрения в рабочую практику методов, направленных на углубление знаний биологии соболя для более правильного хозяйственного использования, расширения научной базы по изучению вида в естествен-

ных условиях обитания. Предлагались меры по активизации борьбы с браконьерством: 1) запрет допуска заготовок соболиной пушнины в одном и том же районе несколькими РЗК; 2) привлечение к административной, а в случае многократного нарушения запрета и уголовной ответственности руководителей, допускающих перепромысел соболя в районе своей деятельности; 3) возложение на местные управления по делам охоты обязанности вести учет состояния поголовья (для чего требовалось пополнить штат местных управлений специалистами-охотоведами); 4) введение лимита на основании ежегодных данных о состоянии поголовья; 5) при планировании заготовок среднеплановые цены на шкурки определять в соответствии с кряжем [17, л. 189—191]. Для более рационального ведения промыслов предлагалось организовать специальные соболиные охотхозяйства по типу существующих государственных охотничьих хозяйств (ГОХов). Поставленные задачи были решены в 1960—1970-е гг. при создании сети коопзверопромхозов. Однако так и не удалось создать специализированные хозяйства, поскольку для этого отсутствовали необходимые условия, в частности материально-техническая база.

Витимо-Олекминский очаг вернул промысловый статус только в 1960-е гг. после искусственной реконструкции соболиной фауны в результате переселения племенного материала баргузинского кряжа из Выдринского зверосовхоза БМАССР [16, л. 4]. Программа по реакклиматизации соболя началась в 1949 г. с экспедиционных обследований угодий [12, л. 1—26]. Опыт ранее проведенных выпусков по Восточной Сибири позволял обойтись без больших затрат на подготовительные мероприятия. Оказалось достаточным выезда квалифицированного охотоведа для выбора наиболее удобных мест в заранее намеченные на карте участки и организации работы нескольких охотоведческих экспедиций. Одновременно с этим покончили с существовавшей на протяжении ряда лет малоэффективной системой, когда вся работа по реакклиматизации сводилась лишь к выпуску племенного материала на выбранных участках. Накопленный опыт позволял минимизировать финансовые расходы, проводить подкормку выпущенных зверьков и организовать их охрану.

Северные угодья, где проводилась искусственная реконструкция, — Тунгокоченский и Тунгино-Олекминский районы, по состоянию природно-климатических условий лучше других подходили для намеченной программы. Экспедиции на месте изучали подъездные пути, так как никаких дорог к намеченным местам выпуска в районах не имелось. Добраться до них можно было только с помощью эвенкийских проводников на арендуемых оленях. Существующие когда-то промысловые тропы давно заросли и никем не использовались [16, л. 8—9]. Учитывая отдаленность от областного центра большинства точек выпуска, расходы на обследование и подготовку угодий площадью более 21 тыс. км² до 1955 г. составили 72 тыс. руб. [14, л. 5—6]. Приобретение, доставка и выпуск одного племенного соболя в 1950—1951 гг. обходились в 2,5 тыс. руб. (было выпущено 145 зверьков) [16, л. 4]. Высокая стоимость обусловлена длительной перевозкой племенного материала из БМАССР на север Забайкалья и содержанием в неволе на протяжении 3—4 месяцев. Затем последовал этап искусственного расселения по очагу из первоначальных мест выпуска, что существенно снизило расходы — примерно в 10 раз.

В местах выпуска обеспечивалась охрана. Для этого создавались дополнительные должности егерей и строились кордоны. Лесной охране вменялось в обязанность оберегать территорию угодий от браконьеров, следить за несанкционированным проникновением местного охотничье-промыслового населения, вести систематические наблюдения за расселением и освоением угодий соболями, осуществлять подкормку в зимне-весенний период. Охранные и биотехнические мероприятия в районе выпусков обеспечивались круглогодично на протяжении 5 лет, с 1950 до 1955 г., затем, получив

неудовлетворительный результат, этот период продлили до начала 1960-х гг. Расходы на организацию охраны складывались из единовременных капитальных затрат и текущих расходов (табл. 1).

Таблица 1

Расходы на организацию охранных мероприятий выпущенного племенного материала

Затраты	Наименование	Сумма, руб.
Капитальные	Постройка кордона	2000
	Приобретение транспорта	5000
	Приобретение спецоборудования	1000
	Приобретение и доставка подкормки	1000
	Итого	9000
Текущие расходы	Зарплата егерю (в год)	4800
	Ремонт инвентаря (в год)	500
	Содержание транспорта (в год)	500
	Итого	5800

Составлено по: [14, л. 7—8].

Всего было организовано 45 егерских кордонов с затратой 405 тыс. руб. [14, л. 6—7]. Создание охранных пунктов позволяло регулярно следить за ростом промысловых стад, иметь достоверные и своевременные сведения о состоянии кормовой базы, урожае остальных видов цветной пушнины. Помимо этого сеть охранных точек позволяла легче подойти к организации охотхозяйств на базе акклиматизированных зверей. Этим пытались воспользоваться в региональном Управлении охотничьего хозяйства: организовать промхозы на базе различных видов пушнины с тем, чтобы начать повсеместно-плановое восстановление соболя. Таким путем руководству единственного в Восточном Забайкалье Каларского ондатрового хозяйства (КОХ) предполагалось вменить в обязанность вести плановое хозяйство по ондатре наравне с проведением охотхозяйственных мероприятий по соболю [13, л. 71—89].

До осуществления намеченного плана действий так и не дошли, поскольку результат принятия столь смелого решения мог оказаться провальным. Руководство КОХ по объективным причинам не сумело реализовать полноценной программы развития ондатроводческого сектора охотничье-промысловой отрасли хозяйства. Финансовые и административно-технические трудности не позволили развернуть производственные мощности промысловых участков. Соответственно комплексная программа разведения ондатры и соболя в рамках одного промхоза оказалась фактически невозможной. Каларский район не был включен в план искусственной реконструкции соболиной фауны. Тем не менее программа восстановления промыслового вида в пределах значительной части очага была выполнена. Соболю активно расселялся и занимал прежние места обитания. Ежегодные заготовки с начала 1960-х гг. составляли более 1000 шт. шкур ежегодно [27, с. 252]. Позже этот показатель увеличилсякратно.

Заключение. К 1960-м гг. соболиные очаги Восточного Забайкалья полностью восстановили свой промысловый статус. Однако по мере реконструкции возник целый ряд проблем с их правильной эксплуатацией. Восстановленный ресурсный потенциал задействовался в лучшем случае наполовину, поскольку коллективизация в сельском хозяйстве привела к тотальной обезличке охотугодий, полному отсутствию на их территории всяческого обустройства и невозможности в существующих условиях острого дефицита промысловых групп проведения охоты в отдаленных участках тайги. Большинство этих

проблем приходилось решать путем проб и ошибок. Среди осуществленных практических мероприятий необходимо выделить наиболее значимые:

1. Проведена приписка охотугодий к колхозам. Ввиду особой ценности соболиных шкурок и поэтому высокой материальной заинтересованности охотничьего населения в монопольном владении отдельными участками приписка соболиных угодий к колхозам стала делом первостепенной важности и пользовалась широкой поддержкой колхозов. Ради этого был даже осуществлен переход к более продуктивной системе прямых договоров (РЗК выплачивали колхозу 8% от стоимости пушнины, сданной охотниками), в то время как договора содействия (РЗК выплачивали колхозу всего 4% от стоимости пушнины) постепенно снижали свой вес в общей массе пушных заготовок.

2. Шел процесс создания новых бригад. Частными и наемными они не могли быть по определению, только колхозными, действующими на условиях прямого договора с РЗК. За их воссоздание бились долго, иногда тщетно, поскольку конкретной специализации охотников-соболятников уже не существовало на протяжении нескольких десятилетий.

3. Покончено с произвольной добычей шкурок зверька путем ликвидации обезлички в пользовании охотугодьями. Промысловые участки стали закреплять под личную ответственность за конкретными охотниками и бригадами, действующими в радиусе основных зимовий. Отличие новой практики от дореволюционной системы заключалось не в форме, а в ее содержании, так как частного пользования лесным наделом не могло быть уже в принципе.

4. Развивалась лицензионная практика заготовок. Из простых ордеров на покупку у охотника соболиных шкур, неизвестно где и когда добытых, она эволюционировала в действенную систему контроля эксплуатации очагов. Из ведения заготовительных организаций выдача лицензий переходила к охотхозяйственным структурам на местах.

5. Проведена детальная инвентаризация угодий с нанесением на карту основных мест обитания соболя, отметок плотности поголовья, кормовых ресурсов и обустроенных таборов.

6. Затрачивались значительные средства на расчистку выючных троп, ремонт и строительство охотизбушек. Причем наилучшей формой для осуществления таких работ считали не наем специальных работников, а заключение дополнительных договоров с теми охотниками, которым как раз была нужна конкретная тропа или зимовье.

7. В районах соболиных очагов практически с нуля пришлось создавать транспортно-технический комплекс, отвечающий новым стандартам охотничье-промыслового хозяйства.

8. Восстановлены распространенные в дореволюционное время способы добычи соболя. В частности, применение капканов, обмета и давящих ловушек (кряжей, кулемок). Для промысла в позднесеннее и зимнее время внедрялось забытое промысловое оборудование — лыжи, обшитые камасом (оленьей или иной шкурой, снятой с голени животного). Самоловы и лыжи были необходимы для промысла в окрестностях гольцов, где добыча соболя с собакой из-за обилия россыпей и мощного снегового покрова была фактически невозможна.

Проведенный комплекс мероприятий позволил возродить соболиный промысел и вернуть охотничье-промысловому населению Забайкалья доходы от добычи ценнейшего пушно-мехового сырья. Чтобы закрепить успех, в 1970-е гг. региональное отделение охотничьего хозяйства во главе с Е. Б. Самойловым проводило искусственное расселение соболя в междуречье рек Шилки и Аргуни, причем выводы специалистов однозначно свидетельствовали в пользу намечаемой работы: имелись все необходимые условия для нормальной жизни зверька. В результате был создан новый очаг, продуктивность угодий которого к началу 2000-х гг. возросла с 0% (конкретно по соболю) до 15—20 шт. шку-

рок за сезон на одного охотника [27, с. 259]. В настоящее время поголовье соболей во всех очагах оценивается более в чем 40 тыс. голов, и специализации охотник-соболятник может угрожать разве что примитивная техника добычи, приводящая к изрядной порче шкурки или низкая стоимость сырья на рынке.

Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 265-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет».

Список использованных источников и литературы

1. Беспалько Д. Н. Проблемы организации труда в охотничье-промысловом хозяйстве на севере Читинской области в 1930 — начале 1950-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2018. № 7. С. 66—76.
2. Беспалько Д. Н. Реаклиматизация соболя Витимо-Олекминского очага на территории Читинской области в 1950-е годы (на примере Тунгокоченского района) // Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. 2019. № 4 (16). С. 30—40.
3. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 69.
4. ГАЗК. Ф. Р-913. Оп. 1. Д. 16.
5. ГАЗК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 1.
6. ГАЗК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 3.
7. ГАЗК. Ф. Р-1584. Оп. 1. Д. 12.
8. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 1.
9. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 18.
11. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 25.
12. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 27.
13. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 36.
14. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 40.
15. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 45.
16. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 46.
17. ГАЗК. Ф. Р-1649. Оп. 1. Д. 48.
18. Генерозов В. Я. К проблеме соболеводства // Пушное дело. 1928. № 5. С. 17—21.
19. Колосов А. М., Лавров Н. П. Обогащение промысловой фауны СССР. М. : Лесная промышленность, 1968. 256 с.
20. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М. ; Л. : Главсевморпуть, 1949. 847 с.
21. Кушнарева М. Д. Развитие экспортной торговли пушниной из Северо-Восточной Сибири фирмами с крупным капиталом во 2-й половине XIX — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 143—147. DOI: 10.17223/15617793/429/17.
22. Миллер Г. Ф. Географическое описание и современное состояние Нерчинского уезда Иркутской провинции в Сибири // Элерт А. Х. Экспедиционные материалы Г. Ф. Миллера как источник по истории Сибири. Новосибирск : Наука, 1990. С. 172—209.
23. Новиков Г. А. Промыслово-охотничья фауна Северо-Западного Забайкалья // Бурят-Монголия. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1937. 263 с. (Тр. Совета по изучению производительных сил. Сер. Вост.-Сиб. Вып. 4).
24. Павлов М. П. Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР. Часть 1. Киров : Волго-Вятское кн. изд-во, 1973. 535 с.
25. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. Т. 32. Ч. 1. Пг., 1915. № 37230. С. 616—617.
26. Сабанеев Л. П. Соболиный промысел. М. : Тип. В. Готье, 1875. 71 с.
27. Самойлов Е. Б. Записки охотоведа. Кн. 2. Чита : Поиск, 2004. 295 с.
28. Тарасов П. П. О соболином промысле в Забайкалье // Охотник и рыбак Сибири. 1923. № 11—12.
29. Тимофеев В. В., Надеев В. Н. Соболиный промысел. М. : Заготиздат, 1955. 404 с.
30. Черкасов А. А. Из записок сибирского охотника. Иркутск : Восточ.-Сибир. кн. изд-во, 1987. 576 с.
31. Эйльбарт Н. В. Исследования по охотоведению и звероводству в Забайкалье во второй половине XIX — начале XX века // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2005. № 4. С. 187—191.

Поступила в редакцию 25.09.2019

Беспалько Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент
Забайкальский государственный университет
Российская Федерация, 672039, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30
E-mail: bespalkodenis84@mail.ru

UDC 94(571.54/.55)“16/19”+639.181(09)

D. N. Bepalko

History of development of sable trade in the territory of Eastern Transbaikal Territory (XVII century — 1960-ies)

Based on a set of documents from the Hunting Department of the Chita Region and related funds for economic development of the region, the article discusses the key problems of sable fur production and the development of commercial labor in the territory of sable grounds in Eastern Transbaikal Territory. The chronological framework of the study is determined by the beginning of classical formation of team exploitation of breeding grounds (mid-17th century) and the 1960s, when the sable population that had been completely destroyed in pre-revolutionary times was restored as a result of a complex of breeding and restoration works. Particular attention is paid to issues of the organizational crisis, the decline of the team exploitation of the sable fur grounds. The author concludes that the inevitable decline in sable breeding at the turn of the XIX—XX centuries, caused by the mass extermination of the species, led to the breakup of numerous breeding groups and a number of other problems that arose during the period of collective-farm hunting. However, the sable fauna recovery that followed in the late 1940s — 1950s and the overall strengthening of the hunting-breeding complex helped the sable repopulation and made the production of valuable furs most efficient.

Key words: labor management, exploitation of hunting grounds, procurement office, team, furs, sable grounds, sable, breeding.

Bepalko Denis Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Transbaikal State University
Russian Federation, 672039, Chita, ul. Aleksandro-Zavodskaya, 30
E-mail: bespalkodenis84@mail.ru

References

1. Bepal'ko D. N. Problemy organizatsii truda v okhotnich'e-promyslovom khozyaistve na severe Chitinskoi oblasti v 1930 — nachale 1950-kh gg. [Problems of labor organization in the hunting and breeding sector in the north of the Chita region in the 1930s and early 1950s]. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*, 2018, no. 7, pp. 66—76. (In Russian)
2. Bepal'ko D. N. Reakklimatizatsiya sobolya Vitimo-Olekminskogo ochaga na territorii Chitinskoi oblasti v 1950-e gody (na primere Tungokochenskogo raiona) [Re-acclimatization of Vitimo-Olekminsk sable in the Chita region in the 1950-ies (by the example of Tungokochensky district)]. *Gumanitarnye aspekty okhoty i okhotnich'ego khozyaistva*, 2019, no. 4 (16), pp. 30—40. (In Russian)
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Zabaikal'skogo Kraya* [State Archive of Transbaikal Territory] (GAZK). F. R-18. Op. 1. D. 69.
4. GAZK. F. R-913. Op. 1. D. 16.
5. GAZK. F. R-1584. Op. 1. D. 1.
6. GAZK. F. R-1584. Op. 1. D. 3.
7. GAZK. F. R-1584. Op. 1. D. 12.
8. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 1.
9. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 2.
10. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 18.
11. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 25.
12. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 27.
13. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 36.
14. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 40.

15. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 45.
16. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 46.
17. GAZK. F. R-1649. Op. 1. D. 48.
18. Generozov V. Ya. K probleme sobolevodstva [To the problem of sable breeding]. *Pushnoe delo*, 1928, no. 5, pp. 17—21. (In Russian)
19. Kolosov A. M., Lavrov N. P. *Obogashchenie promyslovoi fauny SSSR* [Enrichment of the commercial fauna in the USSR]. Moscow, Lesnaya promyshlennost' Publ., 1968. 256 p. (In Russian)
20. Krashenninnikov S. P. *Opisanie zemli Kamchatki* [Describing the Kamchatka land]. Moscow, Leningrad, Glavsevmorput' Publ., 1949. 847 p. (In Russian)
21. Kushnareva M. D. Razvitie eksportnoi trgovli pushninoi iz Severo-Vostochnoi Sibiri firmami s krupnym kapitalom vo 2-i polovine XIX — nachale XX v. [The development of furs export from Northeastern Siberia by firms with large capital in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Tomsk State University Journal*, 2018, no. 429, pp. 143—147. DOI: 10.17223/15617793/429/17. (In Russian)
22. Miller G. F. Geograficheskoe opisanie i sovremennoe sostoyanie Nerchinskogo uezda Irkutskoi provintsii v Sibiri [Geographical description and current state of the Nerchinsk district of the Irkutsk province in Siberia]. Elert A. Kh. *Ekspeditsionnye materialy G. F. Millera kak istochnik po istorii Sibiri* [Expedition materials by G. F. Miller as a historical source on Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, pp. 172—209. (In Russian)
23. Novikov G. A. Promyslovo-okhotnich'ya fauna Severo-Zapadnogo Zabaikal'ya [Commercial fauna of the North-West Transbaikal Territory]. *Buryat-Mongoliya* [Buryat-Mongolia]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1937. 263 p. (Trudy Soveta po izucheniyu proizvoditel'nykh sil. Ser. Vost.-Sib. Is. 4). (In Russian)
24. Pavlov M. P. *Akklimatizatsiya okhotnich'e-promyslovykh zverei i ptits v SSSR. Chast' I* [Acclimatization of hunting and breeding animals and birds in the USSR. Part 1]. Kirov, Volgo-Vyatskoe kn. izd-vo Publ., 1973. 535 p. (In Russian)
25. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Coll. 3. Vol. 32. Part 1. Petrograd, 1915, no. 37230, pp. 616—617. (In Russian)
26. Sabaneev L. P. *Sobol' i sobolinyi promysel* [Sable and Sable breeding]. Moscow, Tip. V. Got'e Publ., 1875. 71 p. (In Russian)
27. Samoilov E. B. *Zapiski okhotoveda. Kn. 2* [Hunter's notes. Book 2]. Chita, Poisk Publ., 2004. 295 p. (In Russian)
28. Tarasov P. P. O sobolinom promysle v Zabaikal'e [On sable breeding in Transbaikal Territory]. *Okhotnik i rybak Sibiri*, 1923, no. 11—12. (In Russian)
29. Timofeev V. V., Nadeev V. N. *Sobol'* [Sable]. Moscow, Zagotizdat Publ., 1955. 404 p. (In Russian)
30. Cherkasov A. A. *Iz zapisok sibirskogo okhotnika* [From the notes of a Siberian hunter]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe kn. izd-vo Publ., 1987. 576 p. (In Russian)
31. Eil'bart N. V. Issledovaniya po okhotovedeniyu i zverovodstvu v Zabaikal'e vo vtoroi polovine XIX — nachale XX veka [Research on hunting and animal breeding in Transbaikal Territory in the second half of the XIX — early XX centuries]. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta — Proceedings of Irkutsk State Technical University*, 2005, no. 4, pp. 187—191. (In Russian)